

АЛЬФРЕДО ЛОПЕС ОСТИН

КРОЛИК НА ЛИКЕ ЛУНЫ

Мифология в мезоамериканской традиции

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2024

УДК 7.046
ББК 82.3(0)
А93

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с английского — Инвир Лазарев.

Остин, А. Л.

А93 Кролик на лике луны. Мифология в мезоамериканской традиции. — М.: Тотенбург, 2024. — 178 с.

Альфредо Лопес Остин (1936–2021) — мексиканский историк, внёсший значительный вклад в исследования мировоззрения ацтеков и мезоамериканской религии в целом.

Поистине, мифология — одно из величайших творений человечества! Миф, устный по своей природе, существовал, когда различные культуры только развивали свои первые системы письменности; мифы составляли основу священных книг, они отражали заботы и чаяния людей, их самые сокровенные тайны, их славу и их позор.

«Кролик на лике Луны» — сборник статей Альфредо Лопеса Остина, выдающегося исследователя древней мезоамериканской традиции. Восемнадцать очерков данного издания представляют собой увлекательное повествование, посвящённое древним легендам и верованиям коренных народов Мезоамерики.

**УДК 7.046
ББК 82.3(0)**

© Инвир Лазарев,
перевод с английского, 2024

© Издательство «Тотенбург», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СОКРАЩЕНИЯ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
1. КРОЛИК НА ЛИКЕ ЛУНЫ	16
2. МИФЫ И ИМЕНА	24
3. ИЗОБРЕТЕНИЯ И ОТКРЫТИЯ В МИФИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МИРА	30
4. ЗЕМЛЯ	37
5. СЛОВА ЗАКЛИНАНИЯ	45
6. МИФЫ В МЕЗОАМЕРИКАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ	51
7. ПРИСКАЗКИ И ПОГОВОРКИ	59
8. УДИВИТЕЛЬНЫЙ ПЛОД	65
9. ЧУДО ОРЛА И КАКТУСА	73
10. ЗАТМЕНИЕ	85
11. АНТИХРИСТ И СОЛНЦА	96
12. СКАЗАНИЯ ОБ ОПОССУМАХ	108
13. ИМЯ «ТАРАСКА»	119
14. НАШИ ПРАРОДИТЕЛИ	126
15. ЛЕВАЯ РУКА, ПРАВАЯ РУКА	138
16. ДОПОЛНЕНИЯ И СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ	146
17. СИНОНИМИЯ	156
18. ЗИРЬЯБ	167

СОКРАЩЕНИЯ

- AGN — Archivo General de la Nación
FCE — Fondo de Cultura Económica
IIA — Instituto de Investigaciones Antropológicas
IH — Instituto de Historia
IIH — Instituto de Investigaciones Históricas IIII
Instituto Indigenista Interamericano
INAH — Instituto Nacional de Antropología e Historia
INI — Instituto Nacional Indigenista MAMH
Memoria Academia Mexicana de Historia
SEP — Secretaría de Educación Pública
SG — Secretaría de Gobernación
SHCP — Secretaría de Hacienda y Crédito Público
SMA — Sociedad Mexicana de Antropología
UAM — Universidad Autónoma Metropolitana
UACH — Universidad Autónoma de Chiapas
UNAM — Universidad Nacional Autónoma de México

ВВЕДЕНИЕ

В начале времён. Потоп

Вавилонский мудрец Утнапишти жил в древнем шумерском городе Шуруппаке, на берегу Евфрата. Нинигику-Эа, бог вод, даровал Утнапишти во сне откровение. Послание светлоокого Эа гласило:

«Хижина, хижина! Стенка, стенка!
Слушай, хижина! Стенка, запомни!
Шуруппакиец, сын Убар-Туту,
Снеси жилище, построй корабль,
Покинь изобилье, заботься о жизни,
Богатство презри, спасай свою душу!
На свой корабль погрузи всё живое»¹.

Мудрец внял божественной воле, оставил всё своё имущество, снёс свой дом и из полученных материалов построил корабль. По совету богов он принёс на борт смолу, масло и вино, заклал быков и зарезал овец. На седьмой день огромный корабль с трудом спустили на воду. Вся семья Утнапишти, а также мастера, построившие корабль, поднялись на борт. На шести палубах корабля разместились «скот степной и зверьё». Вскоре поднялся небывалый шторм, и корабельщик Пузур-Амурри засмолил последние люки и принял командование на себя.

¹ Эпос о Гильгамеше, табличка 11, строки 19–25.

На рассвете небо затянулось чёрными тучами, и по приказу Отца Богов Энлиль пролился сильнейший ливень. Начался потоп на погибель людям. Воды затопили вершины гор. Шесть дней и шесть ночей дул неистовый ветер, и буря с юга проносилась по земле. Шторм не прекращался до седьмого дня, когда корабль Утнапишти остановился у вершины горы Ницир. Тогда люди и звери покинули корабль, и на вершине горы зажглись семь курильниц с тростником, кедром, миртом и ладаном. Энлиль, теперь умиротворённый, взял за руки Утнапишти и его жену и велел им преклонить перед ним колени. Он коснулся их лбов и благословил их, сказав:

«Доселе Утнапишти был человеком,
Отныне ж Утнапишти нам, богам, подобен,
Пусть живёт Утнапишти при устье рек, в отдаленье!»

Эпос о Гильгамеше — поэма, включающая историю Утнапишти, сохранился на глиняных табличках, которых аккадцы и ассирийцы использовали для своей письменности. Однако история о Гильгамеше уже была записана заострёнными тростинками на свежей глине много столетий назад опытными шумерскими писцами. По мнению специалистов, эпос на шумерском языке должен был быть закончен примерно в XXV веке до н. э.

Город Шуруппак, родина Утнапишти, был основан примерно в XXVIII веке до н.э. Возникает вопрос, была ли известна история о потопе и деяниях Утнапишти на болотистых территориях, питаемых Евфратом, ещё до того, как эта река получила своё

имя, и до того, как шумеры усовершенствовали свою клинопись. Рождение мифа трудно подтвердить: его элементы возникают, словно великие реки, в результате слияния бесчисленных и далёких течений. После консолидации мифы принимают более определённые формы, особенно когда в кульминационные моменты своего существования они кристаллизуются в письменные тексты. Два повествования о потопе объединены в Библии, чтобы рассказать нам о патриархе, который, подобно Адаму, дал начало всему человечеству. Из-за такого двойного происхождения в тексте Библии обнаруживаются некоторые неточности. Одна из них касается животных, которых Ной взял на свой ковчег. Как и его предшественник Утнапишти, библейский патриарх взял на свой корабль пары животных, которых нужно было спасти от потопа. Согласно одному из источников Пятикнижия, Яхвисту, Ной взял на ковчег по семь пар каждого из видов чистых животных: «От скотов же чистых введи к себе по семи, мужеского пола и женскаго» (Быт. 7:2)». Другая версия, выдвигаемая жреческим источником, гласит, что патриарх взял с собой только по одной паре животных каждого вида: «Введи в ковчег всех живых существ по паре, самца и самку, чтобы они остались в живых вместе с тобой» (Быт. 6:19)².

Несмотря на небольшие различия, окончательная версия этой истории настолько впечатляюща, что продолжает волновать умы людей на протяжении веков. Конечно, шумерская и библейская версии

² Библейские тексты взяты из The New American Bible.

имеют важные различия. Некоторые из них являются основополагающими, например версии о причине наводнения. В шумерском мифе решение об уничтожении человечества было принято собранием богов. В Библии же уничтожение почти всей жизни на земле произошло из-за раскаяния Яхве по поводу сотворения людей. Другие различия в истории о потопе заключаются лишь в деталях. Например, лодки, которые, по обеим версиям, были построены за семь дней, не соответствуют друг другу ни по форме, ни по размерам. Корабль Утнапишти («треть десятины площадь, борт сто двадцать локтей высотой, по сто двадцать локтей края его верха») представляет собой куб, который на две трети своего объема погрузился в воду; он контрастирует с Ноевым ковчегом, имеющим удлинённую форму («длина ковчега триста локтей; ширина его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей»). Сообщения, приносимые птицами в двух историях, также несколько различаются между собой. После того как его судно остановилось у горы, Утнапишти выпустил голубя, который вернулся, потому что не смог найти места, не покрытого водой. Затем он выпустил ласточку, которая, вернувшись, сообщила, что вода всё ещё стоит высоко. Наконец он выпустил ворона, который не вернулся, так как произошёл «спад воды» и птице удалось успешно приземлиться.

Ноев ковчег остановился у горы Арарат. Патриарх выпустил ворона, который то прилетал, то возвращался, ожидая, пока вода не спадёт. После этого он выпустил голубя, который также не нашёл

себе места. Через семь дней Ной снова выпустил голубя, и птица вернулась с оливковой ветвью в клюве. Ещё через семь дней вновь выпущенный голубь улетел и не вернулся (Быт. 8:6–12).

Другая важная версия потопа приведена в Коране. Мусульманские учёные считают, что история Ноя является пророческим намёком на противников Мухаммеда в Мекке. В исламской версии наводнение являлось не всемирным потопом, а скорее наказанием Аллаха неверующих. Ной был послан Аллахом проповедовать истинную веру, но вожди, желавшие продолжать поклоняться богам Ваду, Суве, Ягусу, Яуку и Насру, не приняли слов посланника Всевышнего (Коран 71:23)³. Они сказали:

«Этот человек всего лишь смертный. Если бы Аллах пожелал этого, Он мог бы ниспослать ангелов. И с нашими предками такого не случалось. Он, несомненно, одержим. Присмотри за ним некоторое время (Коран 23:23–25)».

Ной пожаловался Аллаху на людей, которые назвали его лжецом. Тогда ему было дано откровение. Он построил ковчег, поднялся на борт со своей семьей и верующими и взял с собой по паре животных каждого вида. Божественное наказание пришло в виде потоков воды, хлынувших в долину. Волны поднялись, как горы, и неверующие погибли.

Миф о потопе проник в Америку вместе с вторжением европейцев. В Мезоамерике уже существовали свои мифы о вселенском потопе, по окон-

³ Коранические тексты взяты из Корана.

чании которого боги воздвигли четыре столба, отделявшие небо от земли. Они положили начало времени, объединив силы земного холода и небесного тепла. Майя рассказывали епископу Ланде, что после разрушительного наводнения, Бакабы, четыре божественных брата, поддерживающие небо, выжили⁴. В книге «Чилам-Балам» из Чумайеля говорится, что когда небеса рухнули и земля скрылась под водой, после того как вселенская буря стихла, четыре Бакаба заняли свои места, чтобы снова создать миропорядок⁵.

У индейских племён науа, живущих на высокогорном Центральном плато Мексики, миф о потопе повествует о союзе двух противоборствующих сил, которые, двигаясь через четыре столба, создают время. Обе силы символически представлены в мифе: теплая, сухая, небесная жизненная сила — в виде огня, а холодная, влажная, подземная сила смерти — в виде мёртвой рыбы, оставшейся на земле после потопа. Тата и Нена, пара, построившая лодку, отправляются в путешествие на ней; они совершают великий грех, объединив две силы: поджарив мёртвую рыбу, они съедают её. Дым от их костра достигает Неба. За свою дерзость они были наказаны: боги обезглавили их и превратили в собак⁶.

На основе подобных мифов местная мексиканская традиция продолжает создавать свои повествования. Сегодня на этой огромной территории на различных мезоамериканских языках можно услышать

⁴ Landa, *Relación de las cosas de Yiscatán*, стр. 62.

⁵ *The Book of Chilam Balam of Chumayel* (Чилам-Балам из Чумайеля), стр. 100.

⁶ *Leyenda de los soles*, стр. 120.

сказания, подобные историям о земледельце, который вырубил рощу, а на следующий день обнаружил, что она снова выросла. Божество открывает ему, что вода затопит землю и ему следует построить лодку, чтобы спастись. Мужчина строит лодку и плывёт на ней, пока вода не спадает. В некоторых версиях мифа его сопровождает собака, которая впоследствии превращается в женщину. Когда спасшийся от потопа высаживается на берег, он поджаривает и съедает остатки мёртвой рыбы.

Существует также множество версий мифа о мезоамериканском потопе, включающих в себя учения западных миссионеров. Как и следовало ожидать, библейская традиция разными способами и в разной степени повлияла на повествования коренных народов. Есть версии этого сказания, в которые внедрены инородные элементы и персонажи, хотя в конце истории герой соединяет холодное вещество (землю, принесённую из ада вороной) с горячей субстанцией (огнём, принесённым из ада лисой). Или в качестве судна используется не полый ствол дерева амате (*Ficus* sp.), а ящик (дословный перевод слова «ковчег»). К лисе и вороне можно добавить библейского голубя. Главный герой отправляет голубя посмотреть, просохла ли земля. Голубь вонзает коготки в грязь, пропитанную кровью существ, погибших во время наводнения, — с тех пор у этой птицы красные лапки. Наконец, главный герой, как и Ной в Библии, готовит одурманивающий напиток, в данном случае мескаль, выпивает его и, опьянев, показы-

вает обнажённые части своего тела. Его сыновья, такие как Сим, Хам и Иафет, производят разные расы⁷.

Предыдущая история была рассказана представителем народности михе из Оахаки. На Юкатане библейский миф о пьяном обнажённом Ное, оскорблённом своими сыновьями, также объясняет возникновение человеческих рас. Майя, рассказывающие эту историю, не упоминают о потопе, но в их версии трое сыновей пьяного героя производят чернокожих, индейцев и белых людей. Первые два сына оскорбили своего отца и были отмечены тёмной кожей, но кожа третьего сына имела белый цвет, потому что он был невиновен. Первые два сына были приговорены к пожизненным каторжным работам, чтобы прокормить себя, а третьему предназначалось выполнять только лёгкую работу⁸. Миф носит оскорбительный расистско-колониальный характер.

Какое удивительное мифическое повествование, существующее на протяжении тысячелетия. Поистине, мифология — одно из величайших творений человечества! Миф, устный по своей природе, существовал, когда различные культуры только развивали свои первые системы письменности; мифы составляли основу священных книг, они отражали заботы и чаяния людей, их самые сокровенные тайны, их славу и их позор.

Сегодня мы признаём литературную красоту мифов, их влияние на самые разнообразные области

⁷ Miller, *Cuentos mixes*, стр. 100–104.

⁸ Redfield, *The Folk Literature of a Yucatetan Toum*, стр. 8–10.

искусства, их герменевтический потенциал в изучении древних обществ, их психологическую глубину и роль, которую они играли в идеологических процессах прошлого. Однако сегодня мы считаем их анахронизмом. Из-за ложной универсализации нашего близорукого научного видения мы забываем, что миф все ещё выполняет свои функции в жизни огромного числа людей в современном мире.

Вспомните деяния древнего Ноя: три мировые религии опираются на тексты, повествующие о его истории. Евреи, христиане и мусульмане описывают события потопа в своих священных книгах, и для некоторых членов их фундаментальных групп эти эпизоды были на самом деле. Другие верующие находят в них завуалированное пророческое откровение. Иные видят в этих историях аллегория, художественное выражение своей религиозной традиции. Без сомнения, миллионы людей признают сверхъестественный характер этих текстов. Что касается неверующих, то жизнеописание древнего Ноя всегда будет одним из основополагающих элементов их культуры.

Давайте же будем рассматривать миф как живой творческий элемент, а не как анахронический пережиток нашей истории.

Убеждённый в этом, в 1990 году я решил написать несколько эссе о мифах мезоамериканской религиозной традиции. Одним из моих намерений было писать для широкой публики так же, как я пишу для своих учёных коллег: используя аргументы, а также высказывая сомнения и предположения, являющиеся неотъемлемой частью повседневной ре-

альности научных исследований. Я отверг любое авторитетное толкование, основанное на якобы неизменных истинах. Моим желанием было вовлечь читателей в проблемы исследований, обратить их внимание на некоторые правдоподобные предположения и предоставить данные для их оценки.

Я полагаю, что такого рода работа предполагает особый тип читателя, человека, который не обладает знаниями историка или антрополога, специализирующегося на изучении религии. Кроме того, мне хотелось поддерживать диалог с коллегами, сделав эти очерки продолжением дискуссий, опубликованных в научных трудах или представленных на академических форумах. В мои намерения входила писательская деятельность, направленная на широкую аудиторию, не исключая учёных. В этой книге я ищу внимание читателей, которые интересуются религиозными темами, а также в некоторой степени осведомлены об истории и традициях коренных народов Мексики и Центральной Америки и открыты для критического мышления.

Найти таких читателей — непростая задача. Очевидным решением было выбрать подходящий журнал для публикации моих эссе. Мне показалось, что лучше всего для этого подойдёт издание *México Indígena*, и я не ошибся в своём выборе. Начиная с сентября 1990 года в каждом последующем номере мои научные статьи публиковались в разделе «Мифология», а после того, как журнал по определённым

причинам сменил название на Ojarasca, серия продолжала печататься до апреля 1992 года⁹.

В Ojarasca я опубликовал небольшой объём статей. По причине загруженности мне пришлось приостановить этот проект, хотя работать над ним мне очень нравилось. Теперь я ещё раз хочу поблагодарить за сотрудничество México Indígena и Ojarasca, в частности, Германа Беллингаузена, директора, Рамона Вера, редактора, а также Бланку Седено, отвечавшую за связи с общественностью. В эту книгу вошли восемнадцать статей, опубликованных в журналах México Indígena и Ojarasca. В исходные версии были внесены незначительные изменения.

Мексика, сезон дождей, 1992 год.

⁹ Название Ojarasca представляет собой игру слов, относящуюся скорее к глазам (ojos) читателей, чем к опавшим листьям (hojarascas).

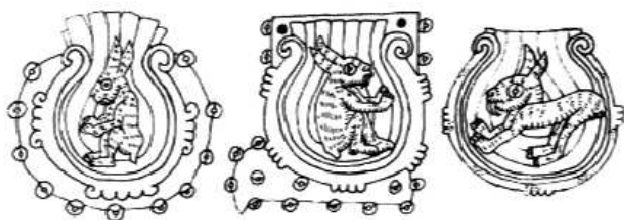
1. КРОЛИК НА ЛИКЕ ЛУНЫ

Передо мной репродукция прекрасного буддийского образа Гаттена, божества Луны. Оригинал находится в храме Йота в районе Кагава на острове Сикоку. Это изображение — часть серии из двенадцати иллюстраций, изображающих богов-хранителей (дэв). Работа представляет собой гравюру на бумаге, в колофоне указано имя гравёра и печатника Соу-уна, а также дана дата публикации — двадцать первый день третьего месяца 1407 года. Божество держит лунный диск в руках, на котором виден сидящий кролик. Этот образ свидетельствует о большом культурном разнообразии восприятия реальности. Хотя луна всегда показывает нам одно и то же лицо, различные культуры мира видели её образ по-разному: то в виде сидящего кролика, то в образе старухи, несущей на спине связку хвороста, то в форме круглого лица. Тем не менее, несмотря на множественность изображений, в них присутствует заметное сходство. Разные группы людей, несмотря на большие расстояния, разделяющие их, воспринимали некоторые природные объекты почти одинаково. Почему? Зачастую мы имеем дело с простым совпадением. Восприятие реальности обусловлено сочетанием внутренней природы человека с внешней реальностью. На лике луны виден кролик? Допустим, кратеры на Луне создают тени, ко-

торые могут заставить людей поверить, что они созерцают знакомую им зайцеобразную фигуру.

Что примечательно, гравюра из храма Йота изображает кролика, сидящего на Луне, так же как и в мезоамериканской изобразительной традиции мы встречаем на поверхности Луны это животное.

На некоторых мезоамериканских пиктограммах и скульптурах Луна изображена как сосуд, содержащий в себе образ мелкого млекопитающего (рис. 1 и 2). В мексиканском мифе, записанном монахом Бернардино де Саагуном в XVI веке, говорится о богах, собравшихся в Теотиуакане, чтобы решить, кто будет ответственным за освещение мира¹⁰. Прекрасное божество по имени Текуцистекатль (Повелитель Улиток) предложило осветить земную поверхность, но боги хотели, чтобы его сопровождал помощник. Не нашлось среди богов ему помощника, все отказывались, прятались. Наконец боги обратились к Нанатцуину, богу болезней, и сказали ему: «Ты дашь свет», — и покрытый язвами бог согласился.

*Рисунок 1. Три изображения Луны в виде сосуда с кроликом
(Кодекс Борджиа, илл. 10, 55, 71)*

¹⁰ Salagun, *Hstovia Genezal de las cosas de Nueva Espana*, том 2, книга 7, глава 2, стр. 479–82.

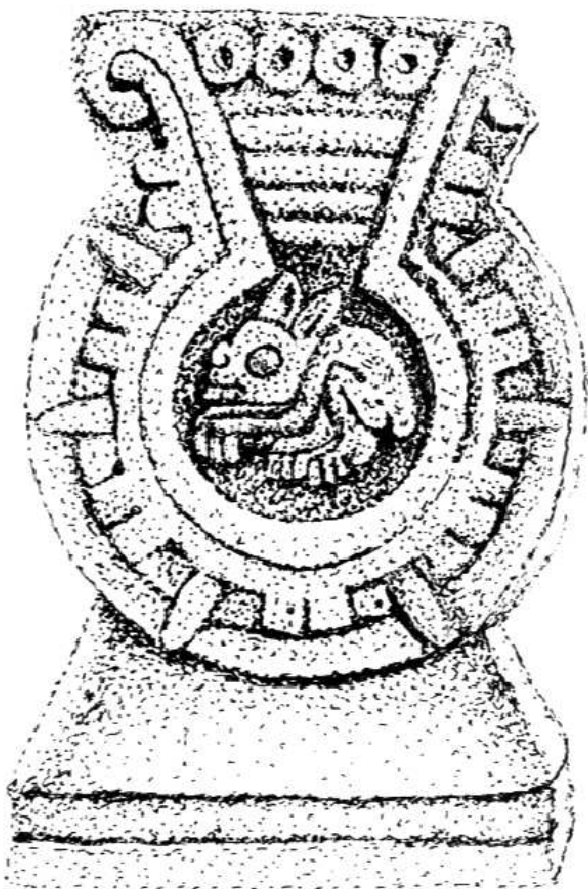

Рисунок 2. Микстекское изображение Луны на стеле Тлаксиако

Оба избранных бога провели четыре дня в покаянии на огромных пирамидах Солнца и Луны. В качестве подношения Текуцистекатль принёс драгоценные перья кетцалья, золотые ядра, а вместо шипов агавы — драгоценные шипы, вместо окровавленных шипов — алый коралл. Текуцистекатль так-

же возжёт ароматическую смолу. Напротив, Нанагуатцин, больной бог, возложил вместо ветвей зелёные камыши, связанные три по три, всех их было девять, принёс шары из сена и шипы магея и окропил их собственной кровью. Вместо ароматической смолы Нанагуатцин сжёт собственные язвенные стружья.

Как только церемония покаяния закончилась, два бога приготовились к жертвоприношению.

Того, чьё имя Текуцистекатль, облекли в перистый убор, ацтакомитль, и тканый льняной кафтан. Язвенному, чьё имя Нанагуатцин, обвили голову бумагой, амацонтли, и облекли его в ниспадающую одежду из бумаги же.

Когда приблизилось время жертвоприношения, зажгли костёр для кремации двух богов. Огонь горел четыре дня, а в последнюю ночь боги выстроились в два ряда, а те двое, которых должны были принести в жертву, вышли вперёд. Боги попросили Текуцистекатля первым броситься в огонь. И тотчас устремился тот, дабы предаться пламени; но велик был огонь, — ощутил жжение и боль Текуцистекатль и не осмелился опрокинуться, и вернулся обратно. Вторично направился, мужаясь, но достигнув пламени, замешкался, не отваживаясь погрузиться в костёр. Четыре раза пытался, ни разу не осмелился. И было постановлено — никому не приступать к испытанию больше четырёх раз. Когда исполнилось четверократное испытание, обратились Боги к Нанагуатцину: «Так что ж, Нанагуатцин, попытайся ты». И едва провозвестили его Боги, больной бог, закрыл глаза, взметнулся и низринулся в пламя, и тотчас за-

трещал и заискрился на огне. Когда увидел Текуцистекатль, что опрокинулся Язвенный и горит в огне, устремился и бросился в костёр.

Едва те двое погрузились в огонь и сгорели, стали Боги ждать и надеяться, что быстро взойдёт Нанагуатцин. Был великий миг ожидания, заалело Небо, и со всех сторон занялось зарево Зари. Говорят, после того преклонили Боги свои колени, дабы ожидать, где взойдёт Нанагуатцин, ставший Солнцем. Смотрели по всем сторонам, кругом обращали взоры, но не могли утвердиться ни мыслью, ни словом, с которой стороны взойдет, — ни на чём не остановились. Наконец Нанагуатцин предстал во всём своём сиянии, превратившись в Солнце. После этого Текуцистекатль появился в виде Луны, также на востоке, озаряя мир таким же ярким светом.

Однако это обеспокоило богов. Когда они увидели одинаковую светозарность новорождённых светил, то вторично воззвали друг к другу: «О, Боги, как же это будет? Хорошо ли то, что рядом идут они? Хорошо ли, что светят равно?» И Боги постановили: «Да будет вот так». И один из них взмахнул и бросил кролика в лицо Текуцистекатля, и помрачился его лик, затмился блеск, и стал его образ таким, как сейчас.

Этот миф, вероятно, существовал уже довольно долго, прежде чем его записал де Саагун в XVI веке. Возможно, он передавался на протяжении веков среди других мезоамериканских групп, прежде чем микстеки прибыли в озёрный район высокогорного Центрального плато Мексики. Это более чем вероятно, потому что с древнейших времён многие мифы

были общими для майя, сапотеков, микстеков, мексиканцев, уастеков, тарасков и других мезоамериканских народностей.

Но миф ли заставил мезоамериканцев разглядеть кролика на лице Луны? Сомнительно. Хотя мифы сохраняют свои фундаментальные элементы на протяжении веков без особых изменений, существуют формы восприятия, которые функционируют дольше, чем сами мифы. Например, в случае с кроликом на Луне было задействовано нечто более фундаментальное, чем простое восприятие фигуры людьми, смотрящими в ночное небо. Целый комплекс верований и обычаев включал представление о том, что на Луне находится небольшое млекопитающее или его образ. Эта система верований и практик была связана с повседневной бытовой жизнью людей, с её ритуальными действиями, с представлениями о функциях тела и т. д.

Кроме всего прочего, кролик являлся животным, которое ассоциировалось с пульке, напитком из забродившего сока агавы, с югом и с холодной природой вещей. В представлении древних мезоамериканцев Луна была небесным телом, связанным с опьянением, с изменениями, сопряжёнными с ферментацией, менструальным циклом и беременностью.

Существовало множество других связей между кроликом и Луной; многие из этих идей продолжают существовать среди коренных мексиканских народов и по сей день.

Эти концепции кажутся более устойчивыми во времени, чем сами мифы. Какие доказательства под-

тверждают это предложение? Факты свидетельствуют о том, что после испанского завоевания представления в сознании коренных народов, связывающие кролика и Луну друг с другом, а также с ферментацией и природными циклами, сохранились, тогда как миф о Нанагуатцине и Текуцистекатле, рассказанный мексиканцами, исчез. Однако другие мифы о кролике и Луне сохранились: их продолжают рассказывать аборигены Мексики, и сегодня они многочисленны и разнообразны. Вот два из них.

У чинантеков, живущих в штате Оахака, говорят, что Солнце и Луна приходятся друг другу братом и сестрой. Будучи ещё детьми, Солнце и Луна убили орла с сияющими глазами. Луна забрала себе правый глаз, сделанный из золота, а Солнце забрало левый глаз, сделанный из серебра. И вот однажды после долгой прогулки Луна почувствовала жажду. Солнце пообещало сказать Луне, где найти воду, если она отдаст ему орлиный глаз, но он строго наказал сестре не пить воду из указанного места, пока кролик-жрец не благословит колодец. Луна не послушалась Солнца, и брат ударил её по лицу кроликом. Вот от чего у Луны на лице такая отметина¹¹.

Другой миф рассказан народом цоциль из Пинолы в штате Чьяпас. История происходит на городской ярмарке. Женщина и её сын пришли прокатиться на местных аттракционах. Они сели на колесо обозрения. Мать несла с собой кролика. Некоторые люди

¹¹ Эту историю рассказал Марселино Мендоса в 1942 году. См. Weitlaner and Castro, *Vizsla (morada de colibries)*, стр. 197–202, и Carrasco and Weitlaner, «El Sol y la Luna».

на ярмарке позавидовали, что ребёнку и его матери удалось занять свои места в обход очереди, и начали бросать в них камни. Один из камней попал женщине в глаз. Колесо продолжало вращаться, поднимая ребёнка и его мать всё выше в небо. Ребёнок превратился в Солнце, а мать в Луну, но она не могла сиять так же ярко, как её сын, потому что ей подбили глаз¹².

Из этих двух историй легко увидеть, что конкретные обстоятельства, описанные в мифе, имеют второстепенное значение по сравнению с более глубокими смыслами, заложенными в самом нарративе. Концепции, к которым отсылают нас обстоятельства, являются, например, причиной первоначальной разницы в яркости свечения между Солнцем и Луной, а также источником инверсии иерархии власти персонажей (мать должна управлять ребёнком, обладатель золотого орлиного глаза стоит выше обладательницы серебряного глаза, могучий, здоровый бог возвышается над немощным и болезненным), а также объясняют происхождение фигуры кролика на поверхности Луны¹³.

Таким образом, конкретное восприятие протекает не только из сюжетной линии мифа. Напротив, несколько мифов апостериорно отсылают к этому конкретному восприятию, которое когда-то было тесно связано с концепциями и практиками, укоренившимися в повседневной жизни людей¹⁴.

¹² Herminte, Poder sobrenatural y control social, стр. 24–25.

¹³ См., что говорит Госсен (Los chamulas en el mundo del sol, стр. 60, 63–64) об этой инверсии власти.

¹⁴ См. главу 10 «Затмение».

2. МИФЫ И ИМЕНА

Более ста лет назад, в 1890 году, была опубликована работа под названием «Золотая ветвь», которая изменила ход исследований религиозной мысли, а также оказала мощное влияние на развитие антропологии начала XX века. Даже сегодня книга остаётся одним из самых амбициозных трактатов, когда-либо написанных на тему религий, — настоящей энциклопедией, в которой сэр Джеймс Фрейзер, обладающий недюжинной эрудицией, страница за страницей знакомит своих читателей с удивительным сравнительным анализом верований народов, которые жили далеко друг от друга и различались в своих традициях и социальном укладе.

Со времён Фрейзера подход к изучению религии значительно изменился. Сегодня нелегко принять те сравнения, которые он делал без учёта исторического контекста обществ, зародивших религиозную мысль. Несмотря на то что современные религиозные исследования в значительной степени расходятся с универсалистскими взглядами Фрейзера, его «Золотая ветвь» продолжает оставаться обязательным текстом и важным источником информации для любого, кто изучает верования человеческих обществ.

В одной из глав своего труда Фрейзер исследует представления о связи, существующей между объектами и их именами. Эта связь могла рассматриваться настолько сильной, что во многих группах

мезоамериканцев считалось возможным оказывать магическое влияние на человека или вещь через их имена. Результатом этого верования, по мнению Фрейзера, стал широко распространённый обычай скрывать «настоящее» имя человека и заменять его на фиктивное и более социально приемлемое. Среди древних обществ, в которых существовали практики, основанные на этом убеждении, Фрейзер называет австралийцев, египтян, брахманов и арауканов¹⁵. Фрейзер не включил в свой список мезоамериканские народности, но среди них также были люди, верившие, что вред может быть причинён через имя: практиковался обычай скрывать от посторонних имя, которое считалось наиболее уязвимым для вредоносного магического воздействия. Так, например, у древних науа было заведено использовать несколько имён. Одним из них служило календарное название дня, в который ребёнок принимал ритуальное омовение водой, выставленной на солнце. Другое имя открыто использовалось в племени. В ходу также было и ещё одно имя, являющееся прозвищем, которое давалось человеку в результате какого-либо знаменательного события из его жизни. Например, календарное имя может звучать как Йеи-Мазатль (3-Олень), а «официальное» имя может быть Иштлильшочитль (Ванильное Лицо). Прозвище, данное правителю Мексики-Теночтитлана, было Ильуйкамина (Небесный лучник).

¹⁵ Frazer, *The New Golden Bough*, стр. 235–39.

Самым важным именем было первое, календарное имя; оно являлось именем не только человека, но и его тоналли, или судьбы души. Наверное, точнее сказать, что это имя отождествлялось с судьбой человека, которая определялась жрецами по дню его рождения. Тоналли нужно было вложить ребёнку науа посредством ритуального омовения. Людские судьбы считались божественными силами, которые ежедневно излучало солнце. Одна из этих сил, соответствующая дню церемонии, помещалась в ребёнка посредством обряда и становилась частью его анимистического существования. Родители могли выбрать лучшую судьбу для их отпрыска из тринадцатидневного цикла, в котором произошло его или её рождение, но они не могли отложить обряд до следующего цикла из тринадцати дней, потому что ребёнок уже не принадлежал к нему. Имя, связанное с судьбой человека и его душой, должно было храниться в тайне от посторонних, чтобы никто не мог произнести его в заклинании с целью причинения вреда. Однако зачастую тоналли (имя судьбы) не держалось в секрете среди мезоамериканских народов. В микстекских кодексах календарные именные глифы часто изображались рядом с изображениями правителей и их жён. То же самое имело место в документах, написанных латиницей в колониальные времена. В них микстекские персонажи обычно обозначались по своим именам судьбы.

Если бы имена считались объектами, независимыми от обозначаемых ими существ, но в то же время тесно связанными с ними сверхъестественны-

ми узами, то логично было бы встретить упоминание о них в мифах о творении. Действительно, в мезоамериканских мифах имена появлялись как вещи, которые нужно было создать, и они продолжают встречаться в мифах коренных народов Мексики и Центральной Америки. Это верно не только для имен собственных, например имён богов, но также и для общих названий животных, растений и предметов. Следует отметить, что в древности боги, как и люди, носили имена, отражающие некоторые их атрибуты; у них также были и календарные имена. Например, бога огня могли называть Уэуэтеотль (Древний Бог), а также Науи-Акатль (4-Тростник).

В августе 1972 года в Сьерре Халиско я услышал миф уичоли о рождении Солнца. Хесус Рентерия рассказал историю о том, как первобытные животные дивились первому рассвету и спрашивали друг друга, как будут называть того, кто будет ежедневно освещать небо. Ни одно из животных не упомянуло название астрального тела божества до тех пор, пока индейка не осмелилась сделать это, сказав: «Оно будет называться Солнцем». В наказание за дерзость индейки другие животные содрали со змеи кожу и повесили её на шею птицы. С тех пор у индейки появились её мясистые бородавки. Перепёлка и кролик тоже произнесли имя Солнца, но, опасаясь наказания, убежали. Тогда животные попытались поймать их среди зарослей камыша, но смогли ухватиться только за хвосты беглецов. С тех пор кролик и перепёлка стали бесхвостыми.

Этот миф напоминает мне другое сказание из штата Оахака, бытующее среди народности михе. В этом мифе Христос предстаёт с двумя европейскими животными — петухом и ослом. Следует отметить, что в мифах и верованиях современных аборигенов Мексики и Центральной Америки образ Солнца часто заменяется фигурой Христа. Михе рассказывают, что когда родился Христос, не спал только петух, который громким криком возвестил: «Иисус Христос родился!» Осел же ещё спал и смог только издать сквозь сон жалобное: «У-у-у-у!» С тех пор, в наказание за лень, этот крик стал характерным звуком для всех ослов¹⁶.

Согласно легенде науа из Сьерры Пуэблы, опоссум, знаменитое сумчатое животное, часто появляющееся в мексиканских историях и мифах, вознамерился похитить огонь, чтобы согреть новорождённого ребёнка Богородицы. Подойдя к месту рождения, опоссум понял, что его хвост загорелся, когда он добывал пламя. Испытывая боль, опоссум в ужасе закричал: «О, Иисус! О, Иисус!» и от этого выражения ребёнок был назван Иисусом¹⁷.

В мифе науа из штата Дуранго оскорбительный эпитет «мул» послужил источником названия для животного, а не наоборот. Местные жители рассказали известному исследователю Конраду Т. Пройсу, как однажды богиня Тонанци ехала верхом по берегу реки. Юноша, загоравший на песке, резко вскочил,

¹⁶ Miller, *Cuentos mixes*, стр. 207.

¹⁷ Taggart, *Nahwat Myth and Social Structure*, стр. 103–104.

когда богиня проследовала мимо него. Испугавшись поступка юноши, животное, несущее Тонанци, сбросило богиню, что вызвало её гнев. Тонанци встала и сказала, обращаясь к юноше: «Тебя будут называть аллигатором». Затем она сказала своему вьючному животному: «Тебя будут звать мулом, и ты будешь бесплоден». И вот таким образом от этого юноши, лежащего на песке под солнечными лучами, произошли аллигаторы, животные, терроризирующие путников на берегах рек своими внезапными нападениями. В свою очередь животное, нёсшее Тонанци, было превращено ею в бесплодного мула¹⁸.

В этих мифах о происхождении имени и существа, которых они обозначают, создаются в результате похожих событий, но их природа различна, по-сему для объяснения источника названия основного мифа требуется время. Таким образом, в мифах фигурируют двое: тот, кого называют, и само имя.

¹⁸ Preuss, *Mitos y cuentos maduras de la Sierra Madre Occidental*, стр. 173.